

У него «Весь мир — несравненное чудо».

Полтораста громких публикаций принесли Флюрю Галимову репутацию признанного прозаика: он лауреат премий Уфы, Стерлитамака, Челябинска, а главное, имеет славу лучшего автора современной литературной Башкирии.

Неудивительно, что новый его роман, первая книга которого названа не без загадочности: «Вкус запретного плода», — вызывает острый читательский интерес и неоднозначные мнения.

Попробуем это чудо на вкус?

Действующих лиц — трое. В центре — Салават, по бокам — две влюбленные в него красавицы. Одной имя Лилия — на одной успешно женится, другая — Зулфия — владеет его сердцем. И в нее он противозаконно влюблен.

Между любящими его соперницами — лютая ненависть. Однако и сам герой находится в дуалистической ситуации: «Когда вспыхнула, словно огонь, в его сердце любовь к Зулфии и душа, опьяненная вином страсти, вознеслась к небесам, и до самого этого момента, Салават искренне верил: Лилия с Зулфией будут принадлежать ему одновременно. Пусть пока противятся его воле, но потихоньку Лилия свыкнется с существованием соперницы, перестанет ерепениться, со временем примет ее».

Как принято решать такие конфликты в нашей классике? У Достоевского, Тургенева? Надо понять, где чувство истинное, а где расчетливое. Или плотское — без участия души. Где Вронский, а где Каренин.

А если с обеих сторон — неистребимая страсть, коренящаяся в природе человека? Она неистребима, и непреодолима ненависть между «соперничающими домами».

Исходя из современной традиции — найти, где истина. Как решали бы в прошедшем веке... Во времена Толстого и Чехова. Или, лучше сказать, во времена Ленина и Сталина, чьи имена — на одной мавзолейной вывеске.

Честно сказать, в этих выкладках больше инженерного скрипа, чем обаяния художественности. Во всем

галимовском повествовании только один эпизод кажется мне художественно неопровержимым — это когда покалеченный в Афгане Салават лежит под остриями наших медицинских спасателей и гадает, спасут ли они его или спишут в потери. Он лежит под ножами медиков и мыслит себя под каналами спасительной психоэнергетики. Она спасительна и для него лично, и для его родного башкирского народа, чья истинность доказывается даже посреди нынешнего беспощадного мира.

Все эти эпизоды — лирическая фитотерапия. Скорее всебашкирского, чем всечеловеческого масштаба и прицела. И уж точно — не всероссийского. Предком своим Салават мыслит легендарного башкира Салавата Юлаева, участника пугачевского восстания и непримиримого противника карательной царской всероссийской армии.

Жизнь может окончательно избавить человечество от природной агрессивной сути. Он в эту возможность верит.

Жизнь продолжалась. Семейная лодка Салавата и Лилит даже после страшных ударов цунами не опрокинулась, поплыла дальше по океану жизни. И все-таки бури, ураганы и цунами не проходят бесследно. Более того, временами напоминают о себе. В один из спокойных и умиротворенных дней Салавату неожиданно позвонила Зулфия и огорошила известием: «Я тебя до сих пор люблю, вот и звоню... Скажи, выходить мне замуж или нет?» Оказалось, ее полюбил руководитель отдела безопасности крупного завода. Что ей мог ответить Салават? Лишь благословил: «Будь счастлива...»

После стольких потрясений Салават с Лилит испытывали необыкновенный душевный подъем, даже эйфорию. Им казалось, что они наконец постигли смысл жизни. Можно сказать, Чудо жизни.

Автор искреннего повествования показал несравненное ни с чем чудо, чудо жизни. Неслучайно в конце первой книги и дается рождение, которое не просто важно для сюжета, а символически значимо.

Что будет с этим чудом дальше, он не знает. Но побуждает нас думать о том, что предстоит нашей Истории в ближайший век.

И за это мы ему признательны...

